

Пролог

Клацнул рычаг подачи энергии, переведённый сильной рукой во включённое состояние, и темнота наполнилась тихим гудением. Через мгновение на потолке со звонким щелчком, помигав, включилось несколько ламп. С шумом заработал ещё один ряд софитов, а за ними ещё и ещё, пока всё пространство огромной ямы с бетонными стенами не заполнилось тусклым, чуть мерцающим электрическим светом, вырвавшим из тьмы подземелья одинокую фигуру молодого человека, неподвижно стоящего посередине круглой арены.

Высокий, мускулистый, со светло-русыми волосами до плеч, в которых выделялось несколько аккуратных косичек, с небольшой бородкой — он стоял, расслабленно свесив голову, чуть ссутулившись и медленно, глубоко дыша. Впрочем, стоило лишь включиться освещению, как мужчина неторопливо распрямился, с хрустом расправив плечи, и открыл ярко-зелёные глаза.

— Я готов, — громко и уверенно произнёс он, и в следующую мгновение глухая массивная дверь на противоположной стороне арены гулко содрогнулась от чудовищного удара, казалось, само пространство ямы затрепетало от последовавшего за этим яростного рёва огромного монстра.

Что-то в очередной раз щёлкнуло, и где-то в стенах зацокали перебираемые зубьями механизмов могучие цепи. Преграда, сдерживавшая чудовище, вновь содрогнулась, да так, что завибрировал пол, а затем медленно поползла вверх — а стоило только внизу образовать-

ся достаточному зазору, как в него тут же просунулась огромная когтистая лапа, отдалённо похожая на человеческую руку.

Мужчина, однако, не обращал внимания на происходящее и вновь закрыл глаза, медленно разведя руки в стороны. Мгновение — и на его ладонях вспыхнули два шарика, состоящих из пламени зелёного цвета. Они будто замерцали, закрутившись в разные стороны; могло показаться, что к ним потянулись зеленоватые потоки воздуха, которые словно впитывались во всё больше и больше ярящееся пламя. И вот оно потеряло форму, превратившись в быстро дёргающиеся ослепительные кляксы, то и дело выбрасывающие в пространство жгутики-щупальца, шевелившиеся словно живые.

Арена вновь затряслась от яростного рёва желавшего выбраться из своей тюрьмы существа. Со звонким хлопком, осыпая пол искрами и осколками стекла, взорвались несколько ламп. А затем так до конца и не поднятые тяжеленные ворота просто сорвало от удара невообразимой мощи, и они, бешено вращаясь, пронеслись всего в нескольких сантиметрах над головой молодого человека, чтобы с жутким грохотом врезаться в противоположную стену, выбив огромное облако пыли и бетонного крошева.

От обрушившегося на него воздушного потока мужчина чуть покачнулся, но совершенно не испугался ужающей мощи наконец освободившегося чудовища. Наоборот, его губы медленно расплылись в широкой, чуть сумасшедшей улыбке, граничащей с оскалом.

Монстр тем временем окончательно выбрался на свет. Огромный и одноглазый, чуть сторбленный и весь какой-то кривой, несимметричный и нескладный. Но вместе с тем необычайно опасный, с бугрящимися под серовато-розовой кожей, заросшей жёсткими чёрными волосами, канатами стальных мышц.

Вообще, человек, не шибко разбирающийся в монстрах, вполне мог бы принять это существо за *Ciclopus*

vulgaris, или по-другому «Циклопа обыкновенного», — ещё одного похожего на человека гиганта, чьей визитной карточкой было как раз наличие всего одного непропорционально большого глаза. Вот только не водились близ Хельмгарёра эти великаны. Зато бичом посадов, лесов, озёр и болот считался другой чудовищный антропоморф, одно только имя которого заставляло аборигенов вздрагивать от страха.

Лихо, прозванное в народе Одноглазым из-за единственного жуткого ока, будто перекошенного, зло сверкающего из-под густых жёстких косм с врождённой проседью. Это существо даже просто монстром назвать было трудно; если обычные чудища нападали на людей ради пропитания или размножения, то Лихо Одноглазое, будучи травоядным, уничтожало всё живое вокруг исключительно ради собственного удовольствия.

Скорее это было воплощённое стихийное бедствие, противостоять которому зачастую не могли даже самые сильные чародеи. Помимо скорости, ловкости и силы, а также смертоносных когтей, Лихо обладал особой аурой, действие которой с трудом поддавалось изучению. Попав под её воздействие, мог взять, да и развалиться посадский частокол, до того момента крепкий и надёжный. В соседних домах вдруг вспыхивал жуткий пожар, а патроны для пулевика могли взорваться прямо в руках у стрелка. Люди спотыкались и падали на ровном месте, ломали кости, просто неудачно повернувшись, а то и вовсе лишались жизни из-за пустяковых царапин. Так что если даже и удавалось отогнать чудище от посада, то давалось это большой кровью, а само поселение уже считалось обречённым. Потому как Лихо никуда не уходил, а начинал кружить поблизости, выбирая удобный момент для нападения, влияя на посад и его жителей своей странной силой, приносящей беды и неудачи.

Вот и сейчас, выбравшись из изолированного печатями каземата, в котором его содержали с самого момента пленения, существо активно распространяло ауру,

быстро поглощающую всё пространство арены. Молодой человек только поморщился, когда ощутил, как упал под воздействие Лиха. Отпустив так и оставшиеся висеть возле него в воздухе шевелящиеся и набирающие силу зелёные пятна, он быстро сложил печать-концентратор, и его тело вспыхнуло покровом Зелёного Пламени, тут же затрепавшего и заискрившегося от обильно выжигаемой монструозной живицы.

И в этот момент Одноглазый опять заорал, подавшись вперёд, чуть нагнувшись, отставив свои разномасштабные руки со сжатыми кулаками назад и широко раскрыв похожую на капкан пасть. Вот только клыков, которые можно было бы сравнить с зубьями механической ловушки, в ней не наблюдалось, как, собственно, и языка. Зато имелось по два ряда крупных белых моляров, очень похожих на человеческие, которые медленно шевелились, словно живые, на его челюстях. Чем-то отдалённо напоминая жирных сегментарных трупных гусениц.

С хлопком погасло ещё несколько ламп, словно специально осыпав мужчину жгучими искрами и острыми осколками стекла. Воздух завибрировал от всё непрекращающегося ужасного рёва, и человек, казавшийся до этого момента непоколебимым, вынужден был сделать несколько шагов назад, настолько мощным было это давление.

И только тогда, почувствовав слабинку, Лихо сорвался в атаку. Какой-нибудь простец подумал бы, что он просто переместился к чародею, и только потом заметил бы запоздало разлетающуюся бетонную крошку, выбитую из пола острейшими когтями на ногах чудовища. Впрочем, его противник прекрасно всё видел и, сложив цепочку ручных печатей, успел не просто выставить перед собой блеснувший барьер, полностью принявший незамысловатый удар, способный распылить человека на кровавые брызги, но ещё и изящно отпрыгнул. И, словно повинувшись его движению, зелёные пламенные

кляксы, не меняя своего расположения, отлетели вместе с ним подальше от трясущего головой чудовища.

Чтобы прийти в себя, после того как он врезался в непробиваемую преграду головой, Лиху Одноглазому много времени не понадобилось. Он потряс головой и устоялся на наглого человечка, посмеявшегося не только увернуться от его атаки, но ещё и причинить боль. Он больше не орал, вместо этого по яме арены распространилось тихое урчание, от которого кровь стыла в жилах. Чем-то оно было похоже на то, что издают кошки, вот только ни мягкости, ни довольства в нём не чувствовалось. Только ярость и всепоглощающая ненависть, да и сам расходящийся волнами звук, содержавший живицу, вполне мог временно парализовать, а то и свергнуть простого человека в панику.

А ещё у монстра засветился красным единственным глаз. Означало это только то, что существо находилось на грани бешенства и теперь стало особо опасно. Ведь помимо ауры у Лиха имелось и ещё одно оружие, данное ему искажённой духами с других планов природой.

Молодой человек напрягся. Шутки закончились, а сам он ещё не был готов. Он едва успел скользнуть в сторону, когда монстр просто исчез, оставив на своём месте неглубокий, но широкий кратер с поднимающимся вверх пыльным столбом и расходящуюся кольцом волну пыли и бетонного крошева. И вовремя, то место, где он только что стоял, взорвалось от прилетевшей в него и вспыхнувшей, словно звезда, малиновой искорки.

Мысль о том, что при выборе арены, они как-то не рассчитали с высотой потолка, на котором висели фермы с лампами, и куда, собственно, запрыгнула тварь, совпала с необходимостью вновь уворачиваться от удара. Перемещаясь на огромной скорости, лишь слегка уступающей чародейской технике бега, огромная туша Лиха, словно «обезян» в Зоологическом саду Хельмгарёра, скакала по стенам и потолку, то атакуя человека руками и ногами, легко вспарывавшими железобетон, то об-

стреливая его взрывающимися искрами из своего «Злого глаза».

Если бы не клановое пламя Бажовых, успешно сдерживающее ауру, он бы давно был мёртв, и чародей прекрасно это понимал. Впрочем, зачем гадать, что бы там было, если сама природа вручила ему в руки наследие великих предков? Вот и этот человек не углублялся в рефлексии, но внутренне, будучи всего-то двадцати двух лет от роду, просто не мог не испытывать восторга от своей сопричастности к судьбе клана Зеленоглазых.

Мужчина усмехнулся про себя, в очередной раз уходя из-под когтей, со свистом взрезавших воздух, так что там, где только что прошлась лапа, остался явно видимый след взбаламученного воздуха. Действительно. Если бы не чудо, дарованное Древом и Уроборосом, защищавшими смертных, эти монстры давно бы уничтожили как минимум всех людей, проживающих здесь, на севере, близ Хёльмгарёра.

Но... человечеству повезло. Лихо, пусть и обладали чудовищной мощью, являлись тупиковой ветвью четвёртого поколения эволюции некоторых видов одержимых, чьих потомков называют курентами. Будучи этакими великанами-людоедами, но куда как более слабыми и намного более распространёнными.

Из того, что было известно людям, можно было сделать вывод, что слишком сложный там процесс размножения, опять же завязанный на простых людях. Ну... почти простых, потому как чтобы получилось Лихо, курент должен целиком проглотить нерождённую девочку утопленницы, готовой стать русалкой. Тогда по какой-то прихоти извращённой природы монстров в гениталиях этого великана зарождалось Лихо и не менее редкий Вий, которые, прорывая мошонку чудовища, появлялись всегда парой. Что при этом убивало «отца», которым твари и питались несколько лет, пока не заканчивалась пища — и тут уж или Вий схарчит Лихо, или наоборот.

Обычно в соревновании за жизнь проигрывал куда более мелкий и subtilный Вий, чьё основное оружие было прикрыто ниспадающими до земли веками, поднять которые сам он просто не мог из-за коротеньких ручек. Да и с близнецом ему не то чтобы повезло. Лихо, конечно, травоядное, да только не в первые годы жизни.

Впрочем, всё это опять же было только на руку людям. Ведь Вий, карлик среди гигантов, был способен стереть в пыль всё, что находится в прямой линии его взгляда. Будь то какой-нибудь посад или самый крупный полис — без разницы. Впрочем, найдя, убить это существо чародеям было куда проще, нежели его резко перешедшего в вегетарианство «брата».

Казалось бы, почти нереалистичные условия. Пойди ещё заставь курента сожрать не просто русалку, то есть труп утопленницы, а тело свежей девицы на сносках. И ещё так, чтобы не повредить находящийся внутри неё мёртвый плод!

И тем не менее случалось! Людей много, посадов много, да и дур, назло семье и очередному подонку, бросившихся перед родами в омут — тоже за века находилось немало. А Лихо, пусть и существо, неспособное к размножению, считается условно бессмертным. То есть нет никаких доказательств того, что этот кривой-косой гигант может умереть от возраста или от других естественных причин.

В этот момент, избежав очередного смертоносного броска чудовища, мужчина вдруг понял, что он «готов». Сложив пару печатей, активировал чары — и его родное пламя, заревев и закрутившись, стенобитным тараном ударило прямым в грудь огромного монстра, ещё не успевшего отскочить. А затем он, недолго думая, метнул с обеих рук буквально звенящие от переполняющей их силы бесформенные изумрудные сгустки прямым в поднявшуюся после удара о противоположную стену человекоподобную фигуру с горящим алой звездой глазом и громко произнес:

— «Гунгнир»! Активация!

Непонятные кляксы, брошенные чародеем и, казалось, не так уж и быстро летевшие, словно повинувшись его словам, почти притянулись друг к другу, закрутились вокруг некой общей точки и, всё ускоряясь, рванулись вперёд, неумолимо сливаясь. Мгновение — и они превратились в небольшой практически белый шарик, перед которым образовалось явственно видимое глазом огненное веретено, и вот чары, взрывая под собой глубокую борозду в многометровом железобетонном монолите пола, врезались прямым в грудь едва успевшего прикрыться руками гиганта.

Сверкнула вспышка — и свет померк, погрузив всё пространство арены в непроглядную тьму. Яма заходила ходуном, а ударная волна от взрыва заметалась между стен, круша и уничтожая всё подряд. С жутким грохотом обвалились с потолка тяжёлые чугунные фермы, на которых раньше крепились лампы. Словно шрапнель, со свистом разлетались во все стороны осколки, выбитые из стен и пола, а затем всё стихло... и только тогда посередине погруженной в черноту арены вспыхнули два светящихся зелёных глаза.

— Тордин, подай свет! — приказал их обладатель уверенным голосом. — Ты же знаешь, что мои глаза не так хорошо работают в темноте, как у всего остального клана.

— Будет исполнено, мой князь! — ответил чуть хриплый старческий голос откуда-то сверху, и через мгновение то, что осталось от древней арены, осветили приплывшие откуда-то бесчисленные чародейские светляки. — Мои поздравления!

Молодой человек только тяжело вздохнул, хотя хотелось кричать в голос. Лихо, обладавшее огромным сопротивлением к чужеродной живице, от недавно изученного им и переделанного под свою врождённую силу древнего заклинания просто-напросто испарилось. Отсутствовала и дальняя часть арены, только сей-

час безумных размеров кратер начал вдруг плавиться и отекать раскалённой до жидкого состояния землёй и камнями.

Но, перевешивая одержанную победу и уничтожая её, Хердвига, князя Хёльмгарёрской ипокатастимы клана Бажовых, била по самолюбию мысль о том, что он всё так же не может пробудить зрение. И даже сейчас, явно выйдя на новый уровень силы, в этом вопросе он так и остался неполноценным.

На самом деле мало кто в клане этой его ипокатастимы знал, что Хердвиг Бажов, князь удела Хёльмгарёрского, — полукровка. По воле отца у него было две матери: «родная» — захваченная наложница из клана Эндвингсон и «настоящая» — Бажова Хельга Фрейгейровна, дочь одного из старейшин, давшая жизнь его брату и сестре.

Так, собственно, и вышло, что родившая его женщина дала ему могущество своего клана «Сыны Счастливого Ветра», а также живицу огненной бета-стихии. Но все были уверены, что он сын Хельги и его сила не результат тайной работы евгеников, а самое что ни на есть настоящее наследие клана.

Наверное, именно поэтому он достаточно лояльно относился к московскому полукровке. С одной стороны, просто не чувствуя в нём конкурента, ведь Хердвиг верил в свою силу. Наследие Эндвингсонов только усиливало его пламя, но огонь Бажовых и вода Карбазовых... Можно было только покачать головой, вопрошая, на что же надеялись его родители?!

И тем не менее к этому новонайденному Антону Хердвиг чувствовал что-то вроде расположения. Совсем необычное для него чувство, учитывая, что этот парень решил перейти ему дорогу... Он, ознакомившись с отчётом побывавшей в Москве комиссии, вынес для себя в первую очередь то, что жизнь у парня была не сахар. Что, впрочем, не мешало этому полукровке им приторговывать в самые тяжёлые для себя времена.

Мужчина, в общем-то, даже был бы готов назвать его своим «неродным младшим братом», построив в мыслях между собой и ним определённое единение. Но только если тот склонится и признает его старшинство. По этой же причине он не мешал части своей ипокатастимы взять, да и уйти к другому князю. Тем более что на данном этапе это были хоть и полезные, но «лишние» люди. Раздражающий фактор для тех, кто уже занял своё место, на которое эти семьи могли бы претендовать в будущем.

В общем-то, сейчас Хердвиг понимал, почему предки Антона легко отпускали в своё время будущие ипокатастимы с условием сохранения их лояльности Бажовым. Вот у него самого назрела ситуация, когда при нынешних ограниченных условиях может произойти социальный взрыв, — так и что с ними делать? Убивать? Изгонять? По его мнению, это был вообще не выход, потому как у большей части остававшихся в этих семьях имелись близкие родственники. Так что к московскому мальчику все они были отправлены со спокойной душой. А заодно заслано несколько шпионов, потому как этот парень ему всё же ещё не поклонился.

— Ну и? — рядом с мужчинами, ловко перепрыгнув через завалы и огромные искорёженные фермы, приземлилась юная девушка, тут же уперев руки кулачками в бёдра и нахмурившись, уставилась на Хердвига своими зелёными глазами. — Брат, это действительно стоило того, чтобы *так* собой рисковать?

— Я победил, — пожал плечами молодой человек, игнорируя осуждающий взгляд, и всё же поморщился. — Так что какой смысл, сестра, обсуждать, стоило оно того или нет?!

— Эта твоя «победа» стоила клану древнего подземного комплекса, который в чёрный день вполне мог бы стать отличным убежищем! — яростно прошипела девица и сделала широкий взмах рукой. — А теперь посмо-

три! Это самые что ни на есть настоящие руины, восстанавливать которые практически бесполезно!

Действительно, в свете зачарованных огоньков было видно, что чары «Гунгнира» не только отправили Лихо в Бездну, испарив попутно огромную массу бетона, земли и камней, но и разворотили значительную часть внутренних помещений самого комплекса. Ударная волна, образовавшаяся при уничтожении материи, легко проникла во вскрытые словно консервным ножом внутренние комнаты и коридоры. После чего прошлась по ним, безжалостно круша и уничтожая всё на своём пути.

— Я... не думал, что Арена не выдержит, — поморщившись, вынужден был признать правоту своей младшей сестры парень.

Клану не известно было, для чего вообще древние построили этот поистине впечатляющий своими размерами бункер. Найденный ещё при правлении деда Хердвига, он, с одной стороны, оказался не тронут ни людьми, ни чудовищами, так и не сумевшими проникнуть за тщательно замаскированные массивные ворота. Но с другой — абсолютно пуст, так что первую исследовательскую команду, рассчитывавшую на богатую добычу в виде древних артефактов и прочих ценностей, ожидал неприятный сюрприз.

Так и с этим гигантским помещением, которое первопроходцы окрестили Ареной, уж больно походило это изолированное место с несколькими выходами и укреплённой галереей под самым потолком на место проведения боёв. Кто знает, зачем на самом деле оно нужно было создателям, однако идея Хердвига сразиться именно здесь с Лихо Одноглазым явно оказалась не самой удачной.

Радовало только то, что этот комплекс хоть и играл важную роль в планах клана, так и не был до сих пор заселён, а так и стоял в консервации. Так что никто не погиб, да и склады здесь, в отличие от других перспективных убежищ, пустовали... А потому о столь